

А.Поливач

**ВЗАИМНАЯ ТОРГОВЛЯ СТРАН – УЧАСТНИЦ ЕАЭС
И КУРСЫ ИХ ВАЛЮТ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2018-4-81-95

Создание ЕАЭС в 2015 г. было призвано способствовать развитию экономического сотрудничества стран-участниц, включая развитие взаимной торговли и формирование единого рынка товаров и услуг.¹ Однако это событие пришлось на период падения мировых цен на сырьевые товары, которые занимают существенную долю в суммарном экспорте стран ЕАЭС, введения антироссийских санкций и российских контрсанкций, а также спада в российской экономике, которая является крупнейшей в союзе. Это отразилось и на состоянии взаимной торговли² – все страны объединения испытали сокращение взаимного экспорта и импорта в первые 2 года существования союза и лишь в 2017 г. ситуация стала выправляться (табл. 1). Однако по итогам 2017 года объемы взаимной торговли стран-участниц (за исключением Армении) все еще оставались ниже уровней, существовавших до момента образования ЕАЭС.

Таблица 1. Взаимная торговля стран ЕАЭС (в млрд. долл. США)

	2014 г.		2015 г.		2017 г.		изменение 2017 г. к 2014 г. в %	
	Экс- порт	Им- порт	Экс- порт	Им- порт	Экс- порт	Им- порт	Экс- порт	Им- порт
Арме- ния	0,32	1,12	0,26	0,99	0,56	1,31	72,0	17,4
Бела- русь	16,19	22,29	11,01	17,21	13,65	19,71	-15,7	-11,6
Казах- стан	7,15	14,97	5,12	11,21	5,26	12,52	-26,4	-16,4

¹ Евразийский экономический союз / Ред. Е. Ю. Винокуров; Евразийский банк развития, Центр интеграционных исследований. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 64.

² Евразийская экономическая интеграция. Доклад № 43, 2017 / Ред. Е. Ю. Винокуров; Евразийский банк развития, Центр интеграционных исследований. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 39–40.

ПРОБЛЕМЫ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Кыргыз- стан	0,64	2,65	0,41	2,07	0,54	1,86	-15,1	-29,6
Россия	36,90	20,12	28,82	14,18	34,69	18,40	-6,0	-8,5
ИТОГО	61,20	61,14	45,62	45,65	54,70	53,81	-10,6	-12,0

Источник: расчеты автора по данным ЕЭК и ЮНКТАД³

Роль стран-участниц во взаимной торговле различна. Так, во взаимном экспорте доминирует Россия, на долю которой в 2017 г. приходилось 63,4% экспорта всех товаров в рамках ЕАЭС (табл. 2). Во взаимном импорте ситуация не столь однозначна – доли РФ и Беларуси близки по объемам и в прошлом году составляли 34,2 и 36,6% соответственно. Правда, большая часть доли России формируется за счет ее импорта из Беларуси.

Таблица 2. Взаимная торговля стран ЕАЭС (доли стран-участниц в %)

	2014 г.		2015 г.		2017 г.		изменение 2017 г. к 2014 г. в %	
	Экс- порт	Им- порт	Экс- порт	Им- порт	Экс- порт	Им- порт	Экс- порт	Им- порт
Арме- ния	0,5	1,8	0,6	2,2	1,0	2,4	92,5	33,3
Бела- русь	26,4	36,5	24,1	37,7	25,0	36,6	-5,6	0,5
Казах- стан	11,7	24,5	11,2	24,6	9,6	23,3	-17,7	-5,0
Кыргыз- стан	1,0	4,3	0,9	4,5	1,0	3,5	-5,0	-20,0
Россия	60,3	32,9	63,2	31,1	63,4	34,2	5,2	3,9
ИТОГО	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	0,0	0,0

Источник: расчеты автора по данным ЕЭК и ЮНКТАД⁴

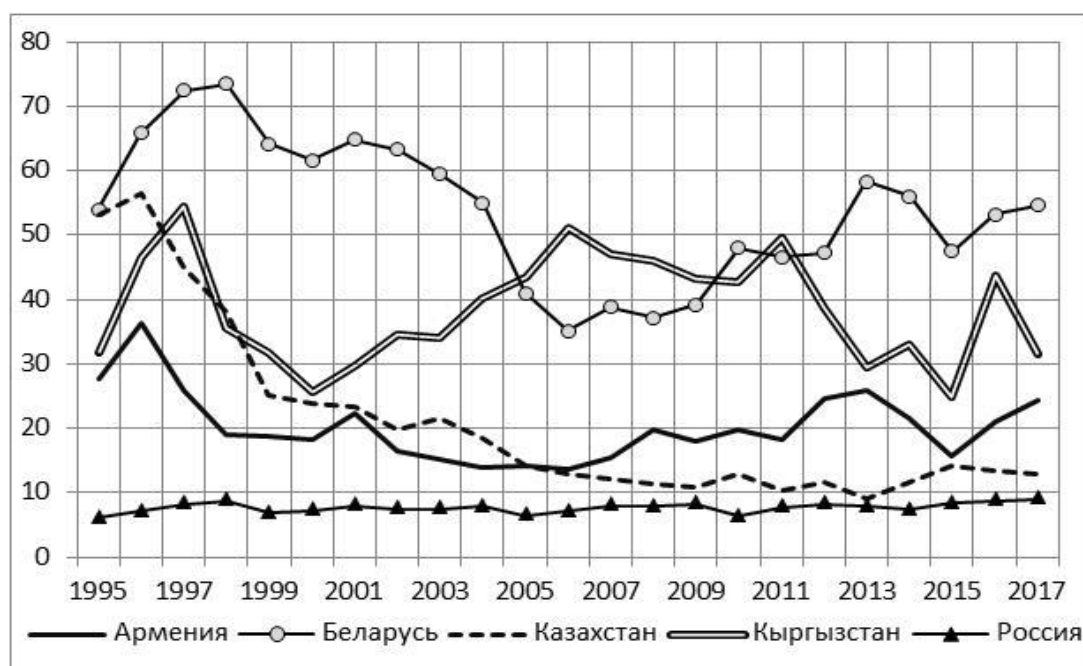
Значение рынка ЕАЭС для стран-участниц также различно. При сравнении с показателями за предыдущие 20 лет, как можно видеть из гра-

³ Взаимная торговля. Статистические таблицы / Евразийская экономическая комиссия.
http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx;
 UNCTADstat / UNCTAD Data Center.
<http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportfolders.aspx>

⁴ Там же.

фигов (рис. 1 и 2) наиболее важным он является для Беларуси, которая направляет туда свыше половины своего экспорта и получает около 60% импорта. Наименьшее значение объединенный рынок имеет для России – менее 10% экспорта нашей страны идет в страны ЕАЭС, и такую же долю в российском импорте занимают поставки из указанных стран. Однако в предшествующие десятилетия этот рынок играл более значимую роль для всех стран-участниц.

Рис. 1. Доля экспорта в страны-члены ЕАЭС в совокупном экспорте каждой страны (в %)

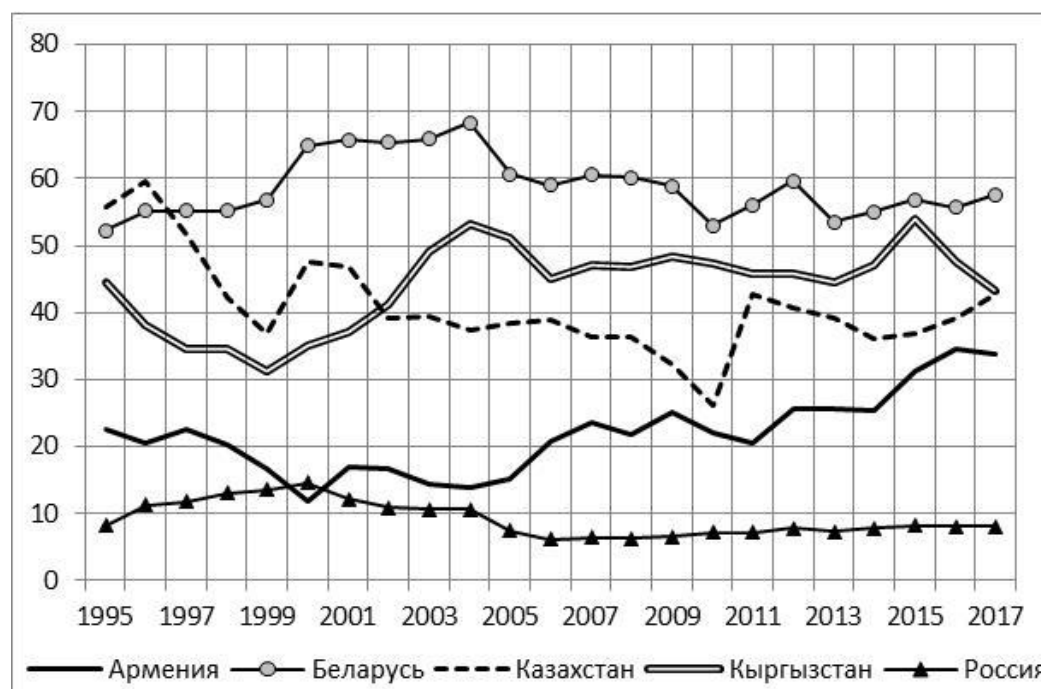
Источник: расчёты автора по данным ЕЭК и ЮНКТАД⁵

Необходимо отметить, что полученные результаты не следует абсолютизировать и делать из них слишком однозначные выводы, поскольку попытка сравнительного анализа торговой статистики любых стран наталкивается на существование значительного количества несопоставимых дан-

⁵ Взаимная торговля. Статистические таблицы / Евразийская экономическая комиссия. http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx; UNCTADstat / UNCTAD Data Center. <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportfolders.aspx>

ных. Экспорт из одной страны в другую практически никогда не совпадает с данными по импорту второй страны из первой, даже если принимается во внимание различие цен статистического учета (fob для экспорта и cif для импорта).

Рис. 2. Доля импорта из стран-членов ЕАЭС в совокупном импорте каждой страны (в %)

Источник: расчёты автора по данным ЕЭК и ЮНКТАД⁶

Если брать достаточно продолжительные периоды, то даже по крупным статьям, которые практически нельзя физически скрыть от учета, могут быть несоответствия. Применительно к рассматриваемым странам можно привести такой пример. В официальной справке «Газпрома», который является монополистом по экспорту газа из РФ, в 2005 г. указано, что экспорта газа в Казахстан в 2001–2003 гг. не было,⁷ однако в статистике Казахстана (содержащейся в базе данных UNCTAD) указан импорт газа из России в эти

⁶ Там же.

⁷ Газпром в цифрах 2000 – 2004 гг. Справочник к годовому собранию акционеров «ОАО Газпром» в 2005 г. – М.: «ОАО Газпром», 2005. С. 30. <http://www.gazprom.ru/f/posts/66/913332/c2ge64.pdf>

годы в размере 16,7; 56,5 и 72,7 млн. долл. США соответственно.⁸ Подобные примеры не единичны, а по менее объемным товарам разнотчений может быть еще больше. Все это не позволяет считать статистику внешней торговли в полной мере отражающей фактическое состояние торговли между конкретными странами. Поэтому, как представляется, необходимо воспринимать результаты анализа внешней торговли, в том числе и представленные здесь, лишь как достаточно относительное отражение реальных процессов.

Следует отметить, что во взаимной торговле стран ЕАЭС существенную часть составляют минеральные продукты⁹, и это заметно искажает реальную динамику торговли – во-первых, потому, что в периоды высоких мировых цен на эти товары объемы взаимной торговли участников ЕАЭС получаются завышенными; во-вторых, в связи с существованием реэкспорта этих продуктов в другие страны – члены ЕАЭС. Кроме того, в ряде случаев существует и проблема контрабанды энергетических товаров, размер которой может достигать существенных объемов по сравнению с официальными данными о внешней торговле некоторых стран.¹⁰

С учетом этого, интерес представляет анализ динамики взаимной торговли между странами-участниками ЕАЭС за вычетом энергетических товаров (газ, нефть и нефтепродукты, уголь и продукты его переработки, электроэнергия). Его результаты представлены ниже (рис. 3 и 4).

Как можно заметить, в этом случае и по экспорту, и по импорту значение рынка ЕАЭС возрастает для всех стран-участниц по сравнению с торговлей всеми товарами. С одной стороны этот факт, как будто, свидетельствует в пользу распространенного мнения о том, что несырьевые товары, производимые в этих странах, недостаточно конкурентоспособны, чтобы успешно продаваться в странах дальнего зарубежья. Однако, как представляется, это прежде всего говорит о том, что между странами ЕАЭС больше общего, чем со странами дальнего зарубежья – экспортеры и импортеры из ЕАЭС лучше понимают друг друга по культурным и языковым причинам. Кроме того, в наследство от совместного прошлого этим странам досталась связывающая их инфраструктура, не говоря уже об их географической близости. Подобный феномен не уникален – почти для всех стран – участниц и

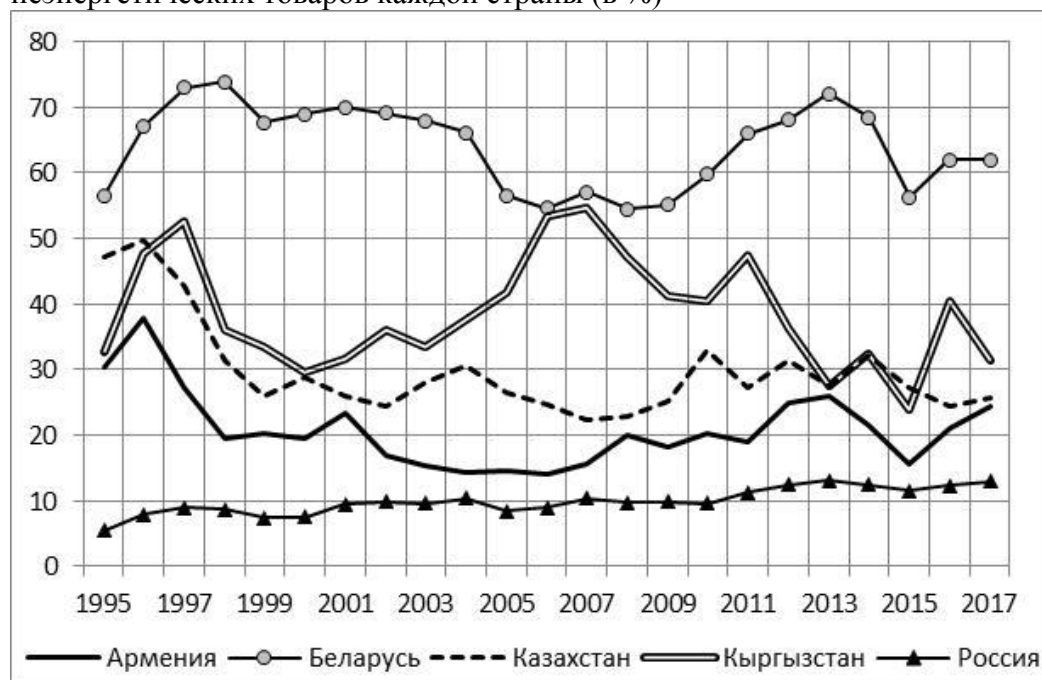
⁸ UNCTADstat / UNCTAD Data Center.
<http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportfolders.aspx>

⁹ Евразийская экономическая интеграция. Доклад № 43, 2017 / Ред. Е. Ю. Винокуров; Евразийский банк развития, Центр интеграционных исследований. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 52–54.

¹⁰ Костенко Ю. Запрет на экспорт нефти. Куда уходят ГСМ из Кыргызстана / 24kg. – 2018. – 28 июня.
https://24.kg/ekonomika/89187_zapret_naeksport_nefti_kuda_uhodyat_gsm_izkyrgyzystana/

Евросоюза, и НАФТА внутриблочная торговля имеет большее значение, чем внеблочная.

Рис. 3. Доля экспорта в страны-члены ЕАЭС в совокупном экспорте неэнергетических товаров каждой страны (в %)

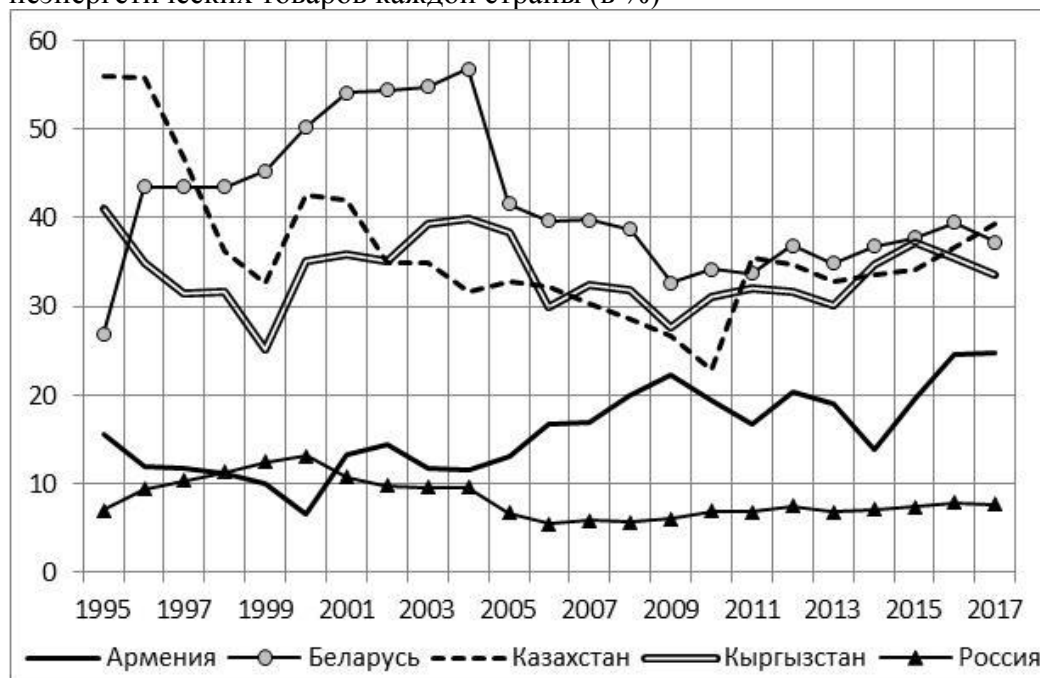
Источник: расчеты автора по данным ЕЭК и ЮНКТАД¹¹

Хотя для всех стран ЕАЭС, кроме РФ, взаимная торговля имеет большое значение, тем не менее, если рассматривать ее динамику, начиная с периода до создания ЕАЭС в 2015 г., становится очевидным, что практически у всех стран 15–20 лет назад доля взаимной торговли была выше (рис. 1–4). Как представляется, это говорит не о недостаточном уровне интеграции в рамках ЕАЭС, как считают некоторые наблюдатели. Более вероятно, что 20 лет назад сырьевые товары, производимые в странах – будущих членах ЕАЭС, были значительно менее конкурентоспособны на рынках стран дальнего зарубежья, поэтому в основном направлялись на рынки будущих участников ЕАЭС. Однако по мере роста их конкурентоспособности доля

¹¹ Взаимная торговля. Статистические таблицы / Евразийская экономическая комиссия. http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx; UNCTADstat / UNCTAD Data Center. <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportfolders.aspx>

рынка ЕАЭС в совокупной торговле стран-участниц сократилась.

Рис. 4. Доля импорта из стран – членов ЕАЭС в совокупном импорте неэнергетических товаров каждой страны (в %)

Источник: расчеты автора по данным ЕЭК и ЮНКТАД¹²

В отраслевом аспекте и в части разделения товаров на конечные и промежуточные, как показывают исследования, для разных стран-участниц значение рынка ЕАЭС также существенно различается. Например, экспорт пищевых продуктов из Беларуси в страны ЕАЭС составляет свыше 90% суммарного экспорта конечной продукции и свыше 80% суммарного экспорта промежуточной продукции этой республики. Для России этот показатель равен 29 и 7% соответственно, для Кыргызстана – 33 и 49%, Казахстана – 53 и 10%. В целом по отраслям обрабатывающей промышленности указанные показатели составляют для Беларуси 89 и 36% соответственно, Казахстана – 57 и 18%, Кыргызстана – 65 и 8%, России – 37 и 11% соответственно.¹³ Исследователи также приходят к выводу, что региональные про-

¹² Там же.

¹³ Белоусов А. Участие стран Евразийского экономического союза в международных производственно-сбытовых цепочках // Банковский вестник. Национальный банк Республики Беларусь. – 2017. – №7. – С. 37, 38.

изводственно-сбытовые цепочки слабо развиты, поскольку практически нет отраслей, экспорт которых в другие страны ЕАЭС покрывал бы весь спектр стадий производства.¹⁴

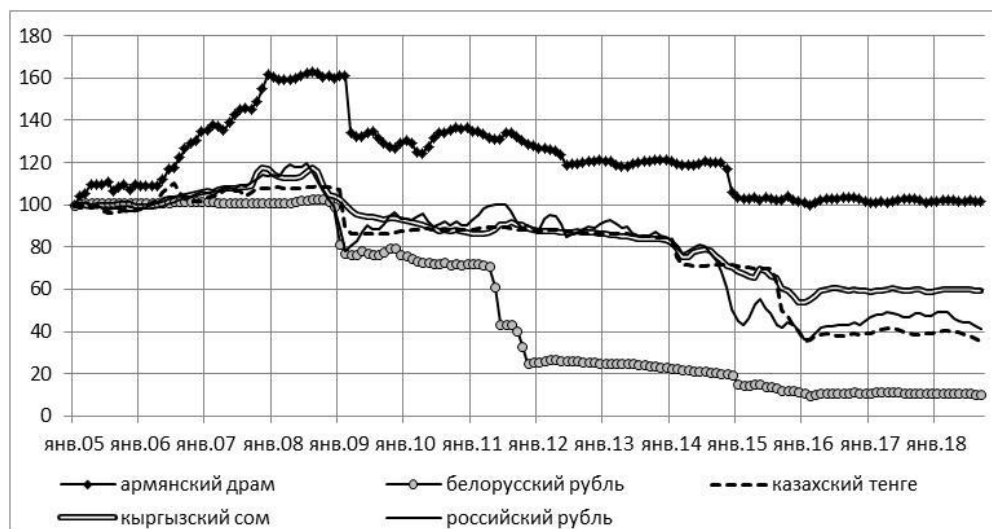
Что касается конкурентоспособности стран – участниц ЕАЭС, нередко высказывается мнение, что девальвация валюты той или иной из них в определенный период обеспечивала конкурентные преимущества по цене товарам, производимым в данной стране при их экспорте на рынки других стран ЕАЭС, одновременно делая товары из этих стран менее конкурентоспособными в данной стране. Чтобы не допустить этого, страны-партнеры были вынуждены также девальвировать свои валюты. Однако валютно-курсовая и денежно-кредитная политика в данных странах до их вступления в ЕАЭС отличались друг от друга, и поэтому между ними не могло быть координации. После образования ЕАЭС, несмотря на сближение во многих сферах, говорить о согласовании валютно-курсовой политики пока преждевременно.

Таким образом, девальвацию валют в странах-участницах в период до и после образования ЕАЭС (рис. 5) следует отнести не к мероприятиям по обеспечению конкурентоспособности местной продукции, а к реакции этих стран на кризисы, возникающие на внутренних и на важных внешних рынках. После создания ЕАЭС такая парадигма развития событий проявилась в 2014–2015 гг. – в период острой фазы экономического спада в РФ.¹⁵

¹⁴ Там же. С. 42.

¹⁵ Колебания валютных курсов в ЕАЭС в 2014–2015 годах: анализ и рекомендации. Доклад № 44, 2017 / Ред. Е. Ю. Винокуров; Евразийский банк развития, Центр интеграционных исследований. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017.

Рис. 5. Индекс среднемесячного обменного курса валют стран-участниц ЕАЭС к доллару США (январь 2005 г. = 100)(2005-2018)

Источник: расчеты автора по данным ЦБ РФ, МВФ¹⁶

Кроме того, данные страны придерживались различных режимов валютного курса. Так, в России долгое время существовал режим управляемого плавления курса в определенном коридоре (который был достаточно широким). В других странах-членах придерживались режима скользящей привязки национальной валюты к доллару США (или корзине валют) с различной степенью коррекции, а в Армении в 2009 г. официально был введен плавающий валютный курс. В период 2014–2015 г. на режим свободного плавления перешли валюты России и Казахстана, а Беларуси и Кыргызстана – на режим управляемого плавления, в то время как в Армении, по мнению некоторых местных экспертов, по-видимому, свободное плавление национальной валюты стало управляемым.¹⁷

¹⁶ Обменный курс рубля. Статистика внешнего сектора / Банк России. <http://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs> International Financial Statistics Data Base (IFS) / IMF. <http://elibrary-data.imf.org/DataExplorer.aspx>

¹⁷ Алиев Т., Зайцев Ю., Кнобель А. Волатильность обменного курса и торговля в странах ЕАЭС / Экономическое развитие России. – 2017. №9. С. 18–28; Валютная политика / Центральный банк Армении. <https://www.cba.am/ru/SitePages/mpforeignexchangeconomy.aspx> ; Интервенции Центробанка Армении в крупных объемах недопустимы при свободноплавающим курсе – экс-глава ЦБ / armbanks. 25.12.2014. <http://www.armbanks.am/2014/12/25/83230/> ; Колебания валютных курсов в ЕАЭС в 2014–2015 годах: анализ и рекомендации. Доклад № 44, 2017 / Ред. Е. Ю. Винокуров; Евразий-

Возвращаясь к вопросу о возможном влиянии колебаний курсов валют стран – участниц ЕАЭС на объемы их взаимной торговли, попытаемся проанализировать статистику на предмет выявления такого воздействия. Утверждения о наличии такого воздействия предполагают, что колебания валютного курса оказывают противоположное влияние на экспорт и импорт. То есть, ослабление национальной валюты страны по отношению к валюте торгового партнера должно приводить к росту экспорта и сокращению импорта данной страны, а укрепление валюты, наоборот – к сокращению ее экспорта и увеличению импорта. Поскольку валютные курсы постоянно колеблются, это означает, что динамика экспорта и импорта страны также должна постоянно находиться в противофазах – когда растет экспорт, сокращается импорт и наоборот.

Сложность заключается в том, что валютный курс колеблется ежеминутно, а данные статистики по внешней торговле приводятся в лучшем случае за месяц. При этом агрегированные показатели для ЕАЭС доступны лишь за годовые периоды. Если использовать усредненный валютный курс за период, равный статистическому для внешней торговли, то такие данные некорректно было бы анализировать с помощью сложных математических инструментов и, соответственно, невозможно утверждать, что выявлены или доказаны зависимости. Кроме того, если в какой-то период экспорт и импорт одновременно растут или сокращаются, то это указывает на отсутствие оснований связывать их динамику с динамикой валютных курсов. Тем самым, динамические ряды по экспорту/импорту и валютному курсу оказываются неравными и, соответственно, недоступными для анализа.

Однако на практике, в публичной дискуссии по внешнеторговой политике, аргументация фактически строится вокруг видимой последовательности событий – ослабление валютного курса, после которого следует (или не следует) рост экспорта и сокращение импорта. При этом обычно не учитывается, что на внешнюю торговлю действует множество других факторов, которые по степени влияния превосходят валютный курс, а также вышеописанные несопоставимости в статистике внешней торговли.

В контексте же такого использования вполне возможно провести статистический подсчет совпадений противофаз экспорта/импорта и усредненного валютного курса для получения общего представления о поведении этих параметров, что и было сделано далее. Для такого анализа из объемов взаимной торговли были исключены энергетические товары (газ, нефть и

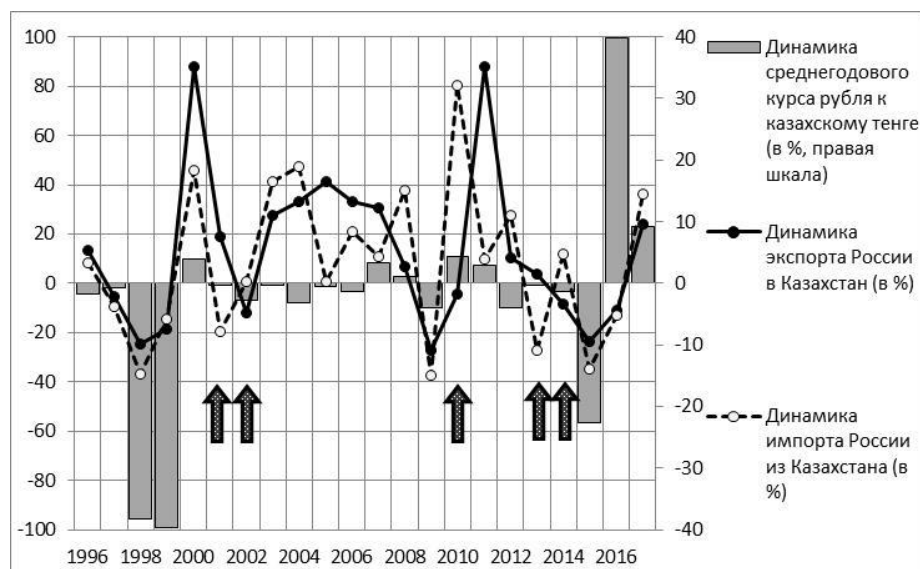
ский банк развития, Центр интеграционных исследований. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. С. 24–25 ; ЦБ Армении перешел к политике плавающего курса валюты и ограничил вмешательства на валютном рынке / banks.am. 03.03.2009. <https://banks.am/ru/news/newsfeed/3190>

нефтепродукты, уголь и продукты его переработки, электроэнергия). То есть, речь идет о динамике неэнергетического экспорта и импорта пяти стран – участниц ЕАЭС и динамике курсов их валют по отношению друг к другу.

Рассмотрим это на примере российского экспорта и импорта в торговле с Казахстаном и среднегодового курса рубля к казахскому тенге в 1995–2017 гг., то есть на протяжении 23 лет. Как видно на графике (рис. 6) в данный период экспорт и импорт России оказывались в противофазах лишь 5 раз (в 2001, 2002, 2010, 2013 и 2014 гг.) из 23, то есть только в 21,7% возможных случаев. Само по себе это уже означает, что здесь доминируют факторы, которые оказывают на экспорт/импорт однонаправленное действие, к которым валютный курс не относится.

Если рассмотреть ближе все выявленные случаи противофаз экспорта/импорта, то в 3-х случаях связь с валютным курсом соответствовала предполагаемой парадигме – ослаблению рубля к тенге на 0,4% в 2001 и 2013 г. соответствовало сокращение импорта России из Казахстана на 19,6% в 2001 г. и 27,4% в 2013 г. и увеличение ее экспорта на 19% и 3,7% соответственно. При этом укреплению рубля в 2010 г. на 4,2% сопутствовал рост импорта России из Казахстана на 80,1% и сокращение экспорта РФ на 4,5%.

Рис. 6. Динамика неэнергетического экспорта и импорта России в торговле с Казахстаном и курс рубля к казахскому тенге в 1995–2017 гг. (в % к предыдущему периоду)

Примечание. Стрелками обозначены годы, когда динамики экспорта

и импорта России находились в противофазах

Источник: расчеты автора по данным ЕЭК, ЦБ РФ, МВФ, ЮНКТАД¹⁸

Однако в двух остальных случаях, когда отмечались противофазы экспорта/импорта, их связь с курсом была прямо противоположной – ослаблению рубля в 2002 и 2014 гг. на 2,8 и 1,3% сопутствовало сокращение экспорта России в Казахстан соответственно на 11,8 и 8,6% и рост импорта на 0,5% и 12,1%. Таким образом, если курс рубля оказывал на двустороннюю торговлю России и Казахстана влияние, то оно отмечалось только в 3-х случаях из 23 возможных (13%), а в 2-х случаях (8,7%) было прямо противоположным предполагаемой взаимосвязи.

В приведенном примере мы предполагали, что реакция экспорта и импорта на изменение курса рубля происходит с некоторой задержкой, но эта задержка по времени составляет меньше года. Если допустить, что указанная реакция проявляется в течение срока, приближающегося по протяжению к году, тогда она должна отразиться в статистике не текущего, а следующего года. Поэтому мы пересчитали вышеприведенный пример с лагом по курсу рубля в 1 год.

В этом случае число совпадений противофаз экспорта/импорта с динамикой валютного курса, соответствующее вышеописанной парадигме, сократилось до одного, а число противоречий выросло до 4-х. То есть, если курс рубля оказывал на двустороннюю торговлю влияние с лагом, соответствующим предполагаемому, то оно отмечалось лишь в одном случае из 23 возможных (4,3%), а в 4-х случаях (17,4%) было прямо противоположным.

Подобным образом были проанализированы все случаи экспорта и импорта (общим числом 460) в двусторонней торговле неэнергетическими товарами 5 стран ЕАЭС в 1995–2017 гг., то есть до и после создания союза. Результаты анализа представлены в табл. 3.

Какие можно сделать выводы из представленной таблицы? Во-первых, очевидно, что динамика экспорта и импорта неэнергетических товаров носит в основном синхронный характер. Они вместе или растут, или сокращаются, что отражается в незначительном количестве противофаз экс-

¹⁸ Взаимная торговля. Статистические таблицы / Евразийская экономическая комиссия. http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx ; Обменный курс рубля. Статистика внешнего сектора / Банк России. <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs> ; International Financial Statistics Data Base (IFS) / IMF. <http://elibrary-data.imf.org/DataExplorer.aspx> ; UNCTADstat / UNCTAD Data Center. <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportfolders.aspx>

порта–импорта по отношению к сумме рассматриваемых периодов. Это особенно заметно у стран с большими объемами взаимной торговли в рамках ЕАЭС, таких как Россия и Беларусь. Там, где объемы торговли невелики, динамика экспорта и импорта крайне неустойчива и характеризуется резкими приростами и сокращениями. Например, в 2013 г. экспорт Кыргызстана в Армению сократился на 95%, а импорт вырос на 246%, а в следующем году наоборот – экспорт вырос на 942%, а импорт сократился на 70%.

Таблица 3. Противофазы экспорта и импорта во взаимной торговле 5 стран ЕАЭС и их совпадения с динамикой валютных курсов 1995–2017 гг.

	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия	Итого
Сумма периодов	92	92	92	92	92	460
Кол-во противофаз экспорт-импорт	38	29	25	36	22	150
Кол-во соответствий (без лага)	16	14	17	20	11	78
Доля соответствий в кол-ве противофаз (%)	42,1	48,3	68,0	55,6	50,0	52,0
Доля соответствий в сумме периодов (%)	17,4	15,2	18,5	21,7	12,0	17,0
Кол-во соответствий (с лагом)	17	13	10	16	8	64
Доля соответствий в кол-ве противофаз (%)	44,7	44,8	40,0	44,4	36,4	42,7
Доля соответствий в сумме периодов (%)	18,5	14,1	10,9	17,4	8,7	13,9

Примечание. Количество соответствий означает, сколько раз в двусторонней торговле противофазы экспорта–импорта указанных стран соот-

ветствовали динамике обменных курсов их валют.

Источник: расчеты автора по данным ЕЭК, ЦБ РФ, МВФ, ЮНКТАД¹⁹

Во-вторых, еще реже отмечаются соответствия между динамикой экспорта–импорта и валютных курсов рассматриваемых стран. В целом для всего ЕАЭС количество таких соответствий составило 17% от общего числа рассмотренных случаев экспорта–импорта, а при анализе динамики со сдвигом в 1 год по валютному курсу таких соответствий отмечается еще меньше (13,9%). При этом количество случаев, противоречащих парадигме «ослаблению курса валюты сопутствует рост экспорта и сокращение импорта» лишь незначительно уступает числу соответствий при анализе без лага по курсу валюты (48% и 52%) и заметно превосходит их при анализе с лагом (57,3% и 42,7%). Это значит, что на практике лишь в 1 случае из 6 изменение курса валюты могло соответствовать нужному результату, и примерно в таком же количестве случаев результат был прямо противоположным. При этом в четырех из шести случаев не было никакого результата потому, что динамика экспорта и импорта была однонаправленной.

Таким образом, предположение о том, что курс валюты является важным фактором, способным обеспечить существенное (и, что важно, – быстрое) увеличение конкурентоспособности местных товаров или является основной причиной неблагоприятной структуры внешней торговли страны, при анализе взаимной торговли стран-участниц ЕАЭС не подтверждается.

Как представляется, для того чтобы колебания валютных курсов торговых партнеров могли оказывать влияние на их взаимную торговлю, необходимо, чтобы ценообразование экспортных товаров каждого из них полностью происходило в его национальной валюте, а в расчетах за эти товары использовалась только валюта экспортера. Однако ценообразование на многие базовые товары (нефть и нефтепродукты, газ, уголь, руды, металлы, зерно и др.) на национальных рынках происходит под влиянием мировых цен на эти товары. Соответственно, девальвация национальной валюты толкает вверх и внутренние цены, не обеспечивая предполагаемый ценовой выигрыш в качестве фактора конкурентоспособности.

Что касается валют, используемых для расчетов во взаимной торговле, то вышеуказанное условие также не выполняется. Только у одной страны

¹⁹ Взаимная торговля. Статистические таблицы / Евразийская экономическая комиссия. http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx ; Обменный курс рубля. Статистика внешнего сектора / Банк России. <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs> ; International Financial Statistics Data Base (IFS) / IMF. <http://elibrary-data.imf.org/DataExplorer.aspx> ; UNCTADstat / UNCTAD Data Center. <http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportfolders.aspx>

(России) национальная валюта обслуживает более половины расчетов по экспорту и импорту со странами ЕАЭС. Хотя эта доля и превышает 80% в расчетах за экспорт в Беларусь, но все же не достигает 100%, как необходимо. У остальных стран-участниц доли национальных валют во взаимной торговле колеблются в пределах от нуля до 42% (в зависимости от партнеров). В целом во взаимных платежах стран – членов ЕАЭС за товары и услуги доминирует российский рубль (74,1%), на долю доллара США и евро приходится 24,5%, казахстанского тенге – 0,7%, белорусского рубля – 0,4%, армянского драма – 0,1%, и незначительная доля принадлежит кыргызскому сому.²⁰

Есть и другие исследования торговли между странами ЕАЭС, продемонстрировавшие, что ослабление национальных валют ряда стран – членов союза привели не к росту, а сокращению их внешнеторгового оборота.²¹

* * *

В заключение можно констатировать, что нынешний уровень взаимной торговли стран – членов ЕАЭС не соответствует имеющемуся потенциалу. Однако попытки стимулировать какие-то процессы в этой сфере с помощью преднамеренной девальвации национальных валют не приведут к положительным результатам. Во многом недостаточный уровень взаимной торговли в настоящее время обусловлен медленным ростом внутренних рынков стран-членов, на который негативное влияние оказывает, в том числе, и слабость их национальных валют.

²⁰ Национальные валюты во взаиморасчетах в рамках ЕАЭС: препятствия и перспективы. Доклад № 48, 2018 / Ред. Е. Ю. Винокуров; Евразийский банк развития, Центр интеграционных исследований. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2018. С. 19, 24, 25.

²¹ Алиев Т., Зайцев Ю., Кнобель А. Волатильность обменного курса и торговля в странах ЕАЭС // Экономическое развитие России. – 2017. – т. 24. – №9. – С. 18–28.